

Белоусов С.В. Отечественная война 1812 г. как фактор формирования российской нации: региональный аспект // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе: материалы VI Международ. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского (Пенза, 29-30 сентября 2016 г.).– Пенза: Изд-во ПГУ, 2016.– С.17-23.

С.В. Белоусов

Отечественная война 1812 г.

как фактор формирования российской нации: региональный аспект*

Нашествие Наполеона глубоко отразилось на состоянии российского общества, приведя к росту национального самосознания и вызвав небывалый патриотический подъем. Без всякого сомнения, можно говорить о том, что Отечественная война 1812 г. явилась важнейшим фактором формирования российской нации, существенно повлияв на межнациональное, конфессиональное и культурное взаимодействие как в столице, так и, особенно, в провинции.

Война с Наполеоном закрепила в исторической памяти как война «Отечественная». Этот термин впервые использовал в своих произведениях известный российский публицист и поэт, участник военных кампаний 1812-1814 гг. Ф.Н. Глинка, вкладывая в него смысл «народной войны» «за веру царя и отечество». Начиная с трудов А.И. Михайловского-Данилевского, обозначение войны 1812 г. как войны «Отечественной» постепенно закрепляется в российской исторической науке, так как, по мнению многих авторов, полностью соответствует характеру и целям военной кампании 1812 г. [1, с.229-231]. В дальнейшем, на протяжении многих десятилетий, этот термин не вызывал принципиальных возражений.

Однако в последнее время появились тенденции оспорить это, казалось бы, незыблемое положение. Достаточно сказать, что из первоначального

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-31-14003/15 «Региональные аспекты формирования российской нации».

названия одной из крупнейших конференций, проводимых в 2012 г. на территории «ближнего зарубежья», в Республике Беларусь, в ходе ее подготовки «исчезло» слово «Айчынная» (Отечественная). Конференция же прошла под довольно-таки нейтральным названием «Война 1812 года и Беларусь».

Возникшая в исторической науке тенденция, ставящая под сомнение устоявшийся в научной литературе термин, привел к необходимости еще раз вернуться к этому вопросу. И далеко не случайно один из ведущих современных исследователей наполеоновских войн В.М. Безотосный в тематическом выпуске журнала «Родина» в 2012 г. опубликовал статью с далеко не риторическим заглавием: «А была ли война Отечественной?» [2]. В ней российский историк отметил, что противники использования этого термина аргументируют свою точку зрения тем, что не все многонациональное население Российской империи было настроено против Наполеона. В западных, т.н. Литовских, губерниях шло активное формирование воинских контингентов для Великой армии. Население Прибалтики и национальных окраин России было достаточно индифферентно. Не все так просто складывалось с созданием ополчения, которое в основном формировалось за счет крепостного крестьянства, а не на добровольных началах, и со сбором различных пожертвований, многие из которых в российской провинции носили принудительный характер. В.М. Безотосный делает вывод о том, что «сомнения о характере войны возникают в первую очередь у тех, кто, так или иначе, явно сочувствует Великой армии и даже жалеет, что Наполеон потерпел поражение в России» [2, с.5].

Термин «Отечественная» подразумевает, в первую очередь, народный характер войны, т.е. активное участие в ней всего населения страны вне зависимости от социальной, национальной или религиозной принадлежности.

Российская империя начала XIX в. уже являлась многонациональной и многоконфессиональной. Основу ее населения составляли русские,

являвшиеся православными, для которых российский император был не только монархом, но и помазанником Божиим на земле. Безусловно, их отношение к нашествию Наполеона во многом зависело от мнения императора, правительственной политики и церковной пропаганды, всецело вписываясь в историографическую концепцию XIX в. о защите «веры, царя и Отечества». Сюда же, конечно, следует отнести православную часть украинского и белорусского населения, позиция которых по отношению к войне 1812 г. во многом была схожей с позицией русских.

В России весьма значительной была численность т.н. «инородцев» и «иноверцев». Наиболее сложным являлся вопрос, связанный с позицией польского католического населения, определенная часть которого под влиянием польской шляхты и заверений Наполеона о создании независимого Польского государства, подчас демагогическим, вступала в ряды Великой армии [3]. Вместе с тем, следует, конечно же, подчеркнуть, что в эпоху наполеоновских войн поляки служили как в австрийских и прусских военных контингентах, так и в русских частях. Многие из них отличились на полях сражений против французских войск.

Значительный процент российского офицерства составляли выходцы из т.н. остзейских губерний. Верные своему рыцарскому долгу и преданности сюзерену, многие из прибалтийских дворян сыграли большую роль в победе над Наполеоном. Известный публицист Н.И. Греч писал об этом: «Должно отличать немцев (или германцев) от уроженцев наших остзейских губерний: это русские подданные, русские дворяне, охотно жертвующие за Россию кровью и жизнью, и если иногда предпочитают природным русским, то оттого, что домашнее их воспитание было лучше и нравственнее... Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузинец Багратион? Скажете: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении святого духа!» [4, с.211-212]

Представители многих народов (башкиры, калмыки, тептяри, мишари) отличались на полях сражений в составе иррегулярной кавалерии,

«инородческого» населения Среднего Поволжья (татары, мордва, чувашаи) – в составе регулярных полков русской армии [5; 6; 7; 8].

Социальная структура российского общества в начале XIX в. состояла из различных сословий: дворянства, духовенства, купечества, крестьянства, мещанства, казачества. Отношение различных категорий населения провинциального общества к войне было весьма противоречивым. Хотя в целом среди всех сословий преобладали патриотические настроения, следует признать, что отдельные представители каждого из них искали собственную выгоду, а их поведение иначе как прагматичным не назовешь.

Говоря о дворянстве, следует отметить, что значительная его часть руководствовалась идеей служения Отечеству и ощущала свою особую миссию в защите России от иностранных захватчиков [9, с.77]. Многие из них храбро сражались против наполеоновских войск в составе регулярных частей русской армии. Другие – по первому зову сразу же вступали в ряды ополчения, оставляя гражданскую службу или из отставки. Большое значение при вступлении в военную службу имело общественное мнение: «Молодым людям нельзя было показаться ни в обществах, ни на гуляньях, не слыша упреков, зачем они не в военном мундире. Люди, никогда не помышлявшие видеть ратное поле, получившие с детства совсем другое, нежели в военной службе, назначение, из духовных семинарий, из присутственных мест, просили, как милости, позволения ополчиться» [10, л.21-21об]. Ставшие вакантными должности замещались теми, кто изъявлял на это свое желание. Третьи – добровольно жертвовали свое состояние на формирование ополчения, военные или иные нужды. Российское дворянство прекрасно осознавало, какую угрозу представляют собой идеи Французской революции для устоев государства и их собственного положения. Тем более, что в обществе еще были достаточно сильны воспоминания о «Пугачевском бунте».

Однако немало было примеров и псевдопатриотизма, метко названного Н.А.Троицким «воинствующе-квасным» [11, с.211]. Кроме того, находились и

такие, кто во время всеобщего великого бедствия стремился извлечь личную выгоду, а их поступки отличали жесткий расчет и корысть. В средневожских губерниях, например, некоторые дворяне отказывались выполнять разовые поручения по сопровождению рекрутских партий и строевых лошадей к действующей армии и военнопленных вглубь страны, ссылаясь на болезни, старость или иные причины [12, л.127; 13, л.7-8]. При приеме ратников дворянские корпорации стремились строго соблюдать интересы дворянского сословия. Согласно решениям губернских дворянских собраний следовало отбирать в ополчение «людей на защиту способных», но в то же время не стеснять отдатчиков излишней отбраковкой ратников. В присутствиях крестьян принимали «на глазок», не взирая на рост, «лишь бы был не карла». Медицинский осмотр при приеме допускался лишь в виде исключения. Пользуясь обтекаемостью формулировок при определении физического состояния принимаемых ратников, помещики стремились отдать в ополчение крестьян со значительными физическими недостатками и даже уродством, т.е. тех, кого не принимали по рекрутским наборам, а польза от них в помещичьих хозяйствах была минимальной. владелец тысяч ревизских душ граф В.Г. Орлов предписывал своему управляющему «наблюдать очередь между крестьянами в рекрутстве поставленную, пьяниц, мотов, непрочных для вотчины отнюдь не беречь, хотя бы за ними и очереди не было, ибо при нынешнем случае весьма удобно их сбыть с рук» [14, л.26].

Определяя роль духовенства, следует, наверное, согласиться с мнением Н.А. Троицкого о том, что оно в борьбе с Наполеоном в основном использовало «божье слово» и патриотические молитвы. Обычно необходимая информация по тому или иному вопросу до широких слоев населения доводилась через служителей церкви. Через них же шло и формирование общественного мнения. Важность церковной пропаганды прекрасно осознавал Александр I. Поэтому именно на церковь была возложена обязанность идеологического обоснования справедливости войны России с наполеоновской Францией.

В Воззвании Святейшего Синода «ко всем благоверным чадам Российской церкви», последовавшим за высочайшим манифестом от 6 июля 1812 г. о созыве народного ополчения, подчеркивалась неразрывная связь вражеского нашествия на Россию с Великой Французской буржуазной революцией, когда «ослепленный мечтою вольности народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские» и, тем самым, заслужил проклятие Божее. Наполеон был назван «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», «покушавшимся на нашу свободу, угрожавшим домам нашим и храмам Божиим». Война представлялась как «искушение», постигшее Россию, преодолеть которое можно было только с божественной помощью. Церковь призывала прихожан поднять «оружие и щит», с тем, чтобы «охранить веру отцов», а духовенство «вооружить словом истины простые души, открытые нападениям коварства», и благословлять на подвиг тех, кто «возревнует ревностью брани» [15, с.73-75]. Основные положения, изложенные в воззвании Святейшего Синода, нашли отражение в проповедях приходского духовенства, обращенных к народу. В них священники говорили о справедливом и священном характере войны, которая велась для защиты Отечества и православной веры, отмечали особую миссию России, которой предназначено Богом остановить завоевания Наполеона и освободить Европу от его господства. Так, протоиерей Краснослободского Троицкого собора Пензенской епархии Фома Меликов в своей проповеди, произнесенной после принятия манифеста 6 июля 1812 г., при обращении к прихожанам неоднократно использует такие речевые обороты, как «Граждане!» и «Вы плачете, Государь требует ваших детей в службу», взывая тем самым к патриотическим чувствам народа и убеждая его в необходимости создания ополчения. Для более сильного воздействия на слушателей он обращается к примерам из истории, которые показывают величие русского народа, начиная с победы над Мамаем при Дмитрии Донском, патриотизма и жертвенности Кузьмы Минина и князя Пожарского в «смутное время» и

заканчивая победами русского оружия при Екатерине Великой [16, л.8-17; 17, с.68-70; 18, с.29-30].

Духовенство приняло самое активное участие в сборе средств на ополчение. Так, в Пензенской епархии практически сразу после открытия Комитета пожертвований для ополчения священно- и церковнослужители благочиния нижнеломовского священника Льва Никитина пожертвовали на защиту Отечества 128 руб. 75 коп., священно- и церковнослужители благочиния священника с.Мичкас Нижнеломовского уезда Ивана Сергеева – 100 руб., благочиния священника с.Новой Нявки Нижнеломовского уезда – 75 руб. ассигнациями и 1 руб. серебром. 7 октября 1812 г. в Комитет пожертвований для ополчения из Пензенской духовной консистории поступило 5215 руб. 33 коп., в т.ч. 101 руб. 95 коп. серебром. Епископ Пензенский и Саратовский Афанасий пожертвовал 1000 руб. По нашим подсчетам, пожертвования духовенства Пензенской епархии на ополчение составили 14125 руб. 69 коп. [19, с.495]

Большую роль православное духовенство сыграло в оказании помощи беженцам. По согласованию с епархиальными властями предлагалось решить вопрос о размещении в монастырях беженцев, не имеющих пристанища, особенно «престарелых, немощных и малолетних», а в церквях – учредить особые кружки для добровольных пожертвований населения в пользу людей, «потерпевших разорение от неприятеля» [19, с.496-497].

Весьма спорным оказался вопрос о крестьянском патриотизме. В начале 90-х гг. XX в. он вызвал дискуссию на страницах журнала «Родина» об отечественном и народном характере войны 1812 г. и патриотизме в целом [20]. Отправной точкой дискуссии явилась полемика ряда исследователей с автором известной работы «1812. Великий год России» Н.А. Троицким, который считал, что дворянство было патриотично только на словах, духовенство помогало народной войне главным образом только «божьим словом», а в их среде оказалось больше всего предателей, и лишь народным массам был присущ «бескорыстный и действенный» патриотизм. Причем, к

народным массам Н.А. Троицкий отнес все население, кроме господствующих классов [11, с.211-226]. В свою очередь, В.М. Безотосный полагал, что патриотизм – это «позиция гражданская», «отношение свободного гражданина к своей свободной Родине». Крепостной же крестьянин фактически был рабом, у которого «в силу его несвободности и ужасающей неграмотности» чувство гражданственности, а, следовательно, и патриотизма, просто отсутствовало [20, с.133]. Возражая В.М. Безотосному, Л.Л. Ивченко высказала мнение, что «лишать» русских крестьян патриотизма – дерзко и неправильно [20, с.134]. Соглашаясь с Л.Л. Ивченко, А.Г. Тартаковский считал «неверным» отрицать патриотизм крестьян на том основании, что «у них отсутствовало чувство гражданственности». С его точки зрения, также было бы большой ошибкой противопоставлять патриотизм разных сословий и принижать патриотизм дворянства, «поскольку де его носителем являлся эксплуататорский класс» [20, с.135].

Продолжая дискуссию, А.И. Попов позднее справедливо отметил, что «чувство патриотизма присуще от природы всем людям, к каким бы сословиям они не относились; но сословная принадлежность сказывалась на «качестве», «характере» патриотизма, способах его выражения и реализации. Проявление этих чувств крестьянством в 12-м году было обусловлено и, соответственно, ограничено их социальным положением. Они были лишены возможности самостоятельного, добровольного проявления этих чувств при наборе в ополчение» [21, с.193]. В 2002 г. М.Ю. Иванов, ссылаясь на высказывание А.К. Кабанова²⁸, который писал, что «вдали от театра военных действий жизнь шла обычным темпом, и патриотические переживания едва ли были там сильны» [22, с.58], предположил, что уровень патриотизма среди крестьянского населения Поволжья был значительно ниже, чем в центральных губерниях, в силу отдаленности региона от театра военных действий и узости мировоззрения крестьян, не распространявшегося дальше границ «малой родины» [23, с.70].

Поворотным пунктом в изменении общественного сознания провинциального населения стали Бородинское сражение и оставление Москвы. Битва при Бородино воспринималась современниками как победа русской армии, и ожидалось, что вскоре неприятель начнет свое отступление [24, с.86, 91]. Поэтому последовавшее за этим событием неожиданное известие о сдаче Москвы и ее сожжении на первых порах вызвало настоящий шок и оцепенение среди всего населения и повсеместно, даже далеко от Москвы, привело к росту панических настроений. Так, А.П. Беляев вспоминал, что в их с. Ершово Чембарского уезда Пензенской губернии после сдачи Москвы, «когда показывалось где-нибудь зарево, то народ выбегал на улицу и, в мрачном настроении, толковал о том, что это французы жгут наши города и села и что, верно, и здесь придется встречать незваных. Крестьяне приготавливали рогатины...» [25, с.30]. В соседнем Керенском уезде «дворовые люди у помещиков были вооружены ружьями и пиками, крестьяне под рукой держали топоры и вилы. Днем и ночью были учреждены караулы. Все были в страхе и опасении и прятали свое добро, кто где мог. При необходимых выездах старались миновать большие дороги, пробирались, где можно, лесом или межами ржаных полей, потому что рожь в том году была очень рослая. Не обошлось и без действительной тревоги. Раз утром, когда мы еще спали, прибежали сказать, что французы уже в Ижморе [село недалеко от Керенска.– С.Б.]; не разбирая возможности их появления в наших местах, все засуетились; тревога вышла страшная». Но оказалось, что «там были не французы, а проходила большая партия казаков, которые, конечно, погуляли и пошумели» [26, с.34].

Сдача Москвы стала унижением национального самолюбия, вызвала рост недовольства в стране и, в то же время, возбудила жажду мщения и рост патриотизма. Так, инсарский дворянин А.П. Вельяшев писал своему отцу после вступления французов в Москву: «Наконец я к вам пишу, но в какое время, когда нещастие обременяет государство, когда Москва в руках извергов. Ах! Кто бы подумал, что толпа, собранная со всех сторон, разного

исповедания, разных государств, разного образа мыслей, в виду целой армии, гораздо и числом, и устройством, и храбростью превосходнее, одного государя, одного закона, могли спокойно и беспрепятственно занять древнюю столицу Московскую. Кто бы мог ожидать сего страму и стыда? Государь обманут в надежде своей на храбрость своего войска, на благоразумие, верность и усердие вождя его, избранного гласом народа... Кутузов пожалован фельдмаршалом, 100 [тыс.] рублей денег, а жена – штатс-дамой. Сей же самой Кутузов, разбивши в прах под Можайском Бонапарте, бежит назад и, не выстрелив ни разу, отдает равнодушно Москву в руки варваров, предает добровольно имя свое вечному поруганию и проклятию» [27, л.735-736; 28, с.209-212]. Сдача Москвы даже вызвала среди населения недовольство действиями Александра I, о чем ему в своем письме от 6 сентября прямо указывала великая княгиня Екатерина Павловна: «Взятие Москвы довело ожесточение умов до высшей степени. Недовольство достигло предела, не щадят даже вас лично... Вас во всеуслышание винят в несчастье вашей империи, в крушении всего и вся, наконец в том, что вы уронили честь страны и свою собственную». И далее добавляла: «К счастью, мысль о мире не стала всеобщей. Совсем напротив, помимо чувства унижения, потеря Москвы возбудила и жажду мщениия» [24, с.99, 102].

О росте национального самосознания и патриотизма после сожжения Москвы, в частности писал к П.А.Вяземскому А.И.Тургенев: «Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщениия найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Не развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического, а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу... Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством Севера...» [24, с.164] Об этом же говорится в «Записках неизвестного, относящихся к войне с Наполеоном в 1812 г.», обнаруженных в одном из фондов Государственного архива Пензенской области: «Возвеличился Бонапарте! Думал, что все покорил, и мир сделает славной.

Но во всем ошибся! Напротив, старой и малой, все вооружились за славу и честь имени русского. Тут только началась война, и война страшная, ибо сделалась война народа, которая не может иначе кончиться, как истреблением врага» [29, л.17об; 30, с.86-87].

Следует отметить, что в «эпоху Отечественной войны 1812 года» проповеди священников и публичные выступления гражданских лиц стали содержать обращения к слушателям, отмечающие их гражданскую позицию и принадлежность к россиянам, как к единой нации вне зависимости от социального статуса, национальности или религии. Так, в своих проповедях протоиерей Краснослободского Троицкого собора Пензенской епархии Фома Меликов использует речевой оборот «Граждане!», а старший учитель симбирской гимназии Дементий Успенский в своей речи, произнесенной при возвращении Симбирского ополчения из заграничных походов, речевой оборот «Россияне!» [18, с.29-30; 31, с.46]

Таким образом, значение Отечественной войны 1812 г. для истории России трудно переоценить. Победа над наполеоновской армией доказала жизнеспособность российской государственности и решила вопрос о суверенитете страны. Как справедливо отмечал известный отечественный историк А.Г. Тартаковский, «1812 год впервые в истории России нового времени пробудил повсеместно чувство общности национальной жизни, единения перед лицом смертельной опасности множества людей самых разных состояний. Этот мощный общенациональный порыв дал себя знать в полной мере с момента вступления неприятеля в коренные русские земли и стойко держался до конца войны – всего какие-то 4-5 месяцев, но для дальнейших судеб страны они значили куда как больше, нежели десятилетия мирного обыденного существования» [20, с.135].

Список литературы

1. Попов А.И. О характере войны 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. I: Сборник материалов. К 190-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ.– М., 2002.– Вып.132.– С.229-246.
2. Безотосный В.М. А была ли война Отечественной? // Родина.– 2012.– №6.– С.4-8.

3. Потрашков С.В. Нашествие Наполеона и польское население юго-западной окраины Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5-7 сентября 2011 г.). – Можайск, 2012. – С.242-249.
4. Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М.: Книга, 1990. – 396 с.
5. Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. 1790-1845. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 242 с.
6. Белоусов С.В. Участие представителей мордовского населения Пензенской губернии в Отечественной войне 1812 г. // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – №3(23). – С.63-69.
7. Очиров У.Б. «И видел, что коня степного на Сену пить водил калмык»: 1-й и 2-й Калмыцкие полки в 1812-1814 гг. // Родина. – 2013. – №11. – С.83-88.
8. Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. – М.: РИСИ, 2014. – 544 с.
9. Григорьев Л.Г., Ермишкина О.К. Идея службы Отечеству в структуре политического менталитета российского дворянства в конце XVIII – начале XIX века // Менталитет и политическое развитие России: Тезисы докл. науч. конф.-ии. – М., 1996. – С.75-77.
10. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф.196. Оп.1. Д.1194.
11. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. – М.: Мысль, 1988. – 348 с.
12. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.474.
13. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф.179. Оп.1. Д.33.
14. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф.147. Оп.14. Д.31.
15. Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. – М.: Захаров, 2004. – 400 с.
16. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.490.
17. Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. – М.: Кучково поле, 2007. – 416 с.
18. Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. – Пенза: ГУМНИЦ, 2012. – 312 с.
19. Белоусов С.В. Пензенская епархия в эпоху Отечественной войны 1812 года // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г.Белинского. Гуманитарные науки. – Пенза, 2012. – №27. – С.492-498.
20. Круглый стол: Вероломство по плану. Чья победа? Лица или маски? // Родина. – №6-7. – С.36-39, 72-75, 133-137.
21. Попов А.И. Партизаны и народная война в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. – Можайск, 2000. – С.172-207.
22. Кабанов А.К. Ополчения 1812 года // Отечественная война и русское общество. – М., 1912. – Т.5. – С.43-74.
23. Иванов М.Ю. Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе 1813-1814 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2002. – 210 с.
24. К чести России. Из частной переписки 1812 года. – М.: Современник, 1988. – 239 с.
25. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1990. – 383 с.
26. Петерсон Г.П. Исторический очерк Керенского края. – Пенза: ПГОКМ, 2002. – 96 с.
27. ГАПО. Ф.132. Оп.1. Д.430.
28. Белоусов С.В. «Недаром помнит вся Россия...»: Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. – Пенза, 2004. – 292 с.
29. ГАПО. Ф.132. Оп.1. Д.182.
30. Белоусов С.В. «Куда пятишься, Барклай проклятый!»: официальная информация и слухи в российской провинции в 1812 году // Родина. – 2012. – №6. – С.84-87.
31. Симбирские люди в Отечественную войну 1812 года (Сборник документов и материалов). – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2013. – 328 с.

